

Балаян Александр,
Томин Леонид

Политические сети. От метафоры к концепту

Балаян

Александр Александрович,
кандидат политических наук, до-
цент департамента прикладной по-
литологии НИУ ВШЭ – СПб.

Для связи с автором:
alexandr1138@mail.ru

Томин

Леонид Владимирович,
кандидат политических наук, до-
цент кафедры политического
управления СПбГУ.

Для связи с автором:
leopolit@yandex.ru

Аннотация

В статье предлагается критиче-
ский анализ теорий, работающих с по-
нятием «сеть» в рамках различных на-
правлений философии, социологии и
политологии. Теории классифициру-
ются через экспликацию их эпистемо-
логических оснований и обозначение
проблемных полей, в которых они ра-
ботают. От неформленного использо-
вания понятия «сеть» как подходящей
метафоры до концептуализации в ис-
следованиях роли информации и но-
вых медиа и работах по проблемам
безопасности. В статье делается акцент
на перспективах использования по-
нятия «сеть» прежде всего для анали-
за трансформаций политических акто-
ров (партий, социальных и протестных
движений).

Ключевые слова: Сеть, иерар-
хия, политические трансформации,
новые медиа, партии, социальные
движения

Balayan A.A., Tomin L.V.

Political networks: from metaphor to concept

Balayan

Alexandr Aleksandrovich,

*Associate professor, Department for
Applied Political Studies at the
National*

*Research University Higher School of
Economics - Saint Petersburg.*

To contact the author:

alexandr1138@mail.ru

Tomin

Leonid Vladimirovich,

*Associate professor, Department of
political governance*

Saint Petersburg State University.

To contact the author:

leopolit@yandex.ru

Abstract

The paper offers a critical analysis of theories working with the concept of “network” in the framework of various areas of philosophy, sociology and political science. Theories are classified through the explication of their epistemological foundations and the designation of problem fields in which they work. From the unformed use of the concept of “network” as a suitable metaphor to its conceptualization in the research of the role of information and new media and work on security issues. The paper focuses on the prospects of using the concept of “network” primarily for analyzing the transformation of political actors (parties, social and protest movements).

Keywords: Network, hierarchy, political transformation, new media, social and protest movements

В течение нескольких десятилетий происходит процесс трансформации положения государств во внешней и внутренней политике. Они больше не являются единственными значимыми акторами на международной арене. Появились новые типы акторов: сетевые организации, социальные и протестные движения [Guattari, Negri 1990] и иные субъекты, действующие по схожему принципу. Подобные изменения привлекли внимание исследователей, занимающихся политическими, социальными и экономическими проблемами [Therborn 2008: 151].

В 2000-е гг. ряд отечественных политологов и специалистов по медиатеории в своих работах обратились к исследованию политических сетей или роли сетевых коммуникаций в политическом процессе. Наиболее часто встречаются следующие направления исследований: репрезентация деятельности и взаимодействия с гражданами посредством интернета, государственных органов, политических партий и общественных организаций и неформальное взаимодействие государственных структур и бизнеса и организаций гражданского общества, различных сообществ в экономике или искусстве.

Существующие имплицитно различия в понимании основных концептов и проблематики приводят к тому, что достаточно редко можно встретить дискуссию, ведущуюся в общем проблемном поле. Поэтому, прежде чем сравнивать разные подходы, необходимо проанализировать их эпистемологические основания.

В 1930–1940-е гг. Г. Башляр, исследуя историю физики, химии и геометрии, обратил внимание на дисконтинуальный характер их развития. Отвергая эволюционную модель постепенного накопления эмпирических фактов, он рассматривал появление новых дисциплин и научных революций как формирование нового проблемного поля. Оно задается новой проблематикой, в ее рамках создаются концепты, которые даже если имеют старые названия – меняют свое значение.

В 1960-е гг. аналогичный анализ в философии и экономике провел Л. Альтюссер. На примере «Капитала» К. Маркса он показал, какую работу над понятиями классической политической экономики провел основатель исторического материализма. Основные понятия политической экономии А. Смита или Д. Рикардо им были не просто историзированы; главное, К. Маркс создал новое проблемное поле, основанное на новых понятиях (общественно-экономическая формация, производительные силы, производственные отношения) [Althusser, Balibar 2009: 86–90].

Есть и другой пример, когда тот эпистемологический разрыв не просто обозначает появление новой проблематики, а конституирует различие между идеологией и наукой. Если мы возьмем исследования формирования наций и национализма, то корпус работ конструктивистов (Э. Хобсбаум, Э. Геллнер,

Б. Андерсон) сделал возможным переход от спекулятивно-философских или биологизаторских теорий к формированию научного подхода к истории наций и национальных государств.

Поэтому среди задач данной статьи – рассмотреть существующие подходы к проблематике сетей, обозначить эпистемологические различия, отделяющие одни теории от других.

Среди первых исследователей, в чьих работах слово «сеть» стало важной метафорой для описания социальных, экономических, политических и культурных изменений, был Э. Тоффлер. Он полагал, что «системы Второй волны находятся в кризисе. Кризис проявляется в системе социального обеспечения. Переживает кризис система почтовой связи. Кризис охватил систему школьного образования. Кризис в системе здравоохранения. Кризис в системе городского хозяйства. Кризис в международной финансовой системе. Кризис в национальном вопросе. Вся система Второй волны в целом пребывает в кризисе» [Тоффлер 1999: 92].

Одна из главных причин этого напряжения и кризиса – появление новых информационных технологий, которые постепенно задают новую логику развития и становятся самостоятельным фактором эволюции.

Для Э. Тоффлера сеть не точно определенное понятие, а метафора, описывающая появление «новой матрицы» [Там же: 179], задающей новую логику развития всех основных сфер. На макроуровне информационные технологии по-новому соединяют различных акторов уже в рамках глобальной экономики [Там же: 69]; организации, объединяющие людей по различным целям и интересам, создают единую сеть гражданского общества [Там же: 187]. Изменения затронут и уровень малых социальных групп, традиционная семья в пространстве интерконнективности трансформируется в новый тип отношений [Там же: 155].

Как мы можем видеть, для Э. Тоффлера сеть – это именно метафора, позволяющая соединить и попытаться объяснить самые разнообразие процессы, происходящие со старыми структурами и институтами в новой информационной среде. Работы Э. Тоффлера – часть корпуса исследований «пост-индустриального общества», в их основе лежит объяснительная модель социально-экономических и политических изменений, сведенная к простому технологическому детерминизму.

Рассматривая современные подходы к сетевым структурам, нельзя не упомянуть социолога Мануэля Кастельса. Ему принадлежит идея о том, что сети со временем станут важнейшей организационной силой, а «исследование зарождающихся социальных структур позволяет сделать следующее заключение: в условиях информационной эры историческая тенденция приводит к тому, что доминирующие функции и процессы все больше оказываются

организованными по принципу сетей. Именно сети составляют новую социальную морфологию наших обществ, а распространение “сетевой” логики в значительной мере сказывается на ходе и результатах процессов, связанных с производством, повседневной жизнью, культурой и властью» [Кастельс 1999: 494].

По его мнению, примерно в 1970-х гг. в США начала складываться новая информационно-технологическая парадигма. М. Кастельс связывает это явление с новыми процессами в культуре и ментальности. «Технологический расцвет, который наступил в начале 1970-х, мог быть в какой-то мере соотнесен с культурой свободы, индивидуальной инновации и предпринимательства, выросших из культуры американских кампусов 1960-х годов» [Кастельс 2000: 16].

Модель цифровой экономики на основе компьютерных технологий и интернета создает новый тип производства и труда. В странах капиталистического ядра происходит демассификация структур производства за счет перемещения материального производства в периферийные страны. Мировая модель разделения труда трансформируется, основную долю прибыли получают не производства, непосредственно производящие товары, а, например, IT-корпорации, создающие программы (операционные системы, онлайн-магазины, продающие как обычные товары, так и цифровой, аудио- и видео-контент) и дизайн компьютеров и смартфонов.

Новая глобальная экономика не формирует, согласно М. Кастельсу, единое пространство – одни в нее включены (США, Канада, страны Западной Европы и Япония), вторые подключены к ней лишь сегментарно (Латинская Америка, постсоветское пространство), третьи подключены слабо (Африка) частично зависимы, но все больше «структурно иррелевантны» [Кастельс 2000: 143].

Таким образом, именно подключенность или неподключенность страны к информационным потокам, по М. Кастельсу, определяет процесс экономической и социальной поляризации в рамках глобального капитализма.

Проведенный М. Кастельсом системный анализ социально-экономических изменений на микроуровне (трансформация труда) и на макроуровне (новая экономическая и социальная поляризация) имеет ряд недостатков. Концепции М. Кастельса особенно из работ 1990-х – начала 2000-х гг. можно назвать левым вариантом «калифорнийской идеологии» [Барбрук 2015: 26–63].

Согласно Р. Барбруку, эта «новая вера возникла из причудливого сплава культурных предпочтений богемы Сан-Франциско и возможностей высокотехнологичных индустрий Кремниевой долины. Калифорнийская идеология, продвигаемая в журналах, книгах, телепрограммах, на веб-сайтах,

в новостных группах и сетевых конференциях, родилась от случайной связи между беззаботным духом хиппи и антрепренерским рвением яппи. Этот сплав противоположностей возник на основе глубокой веры в освобождающий потенциал новых информационных технологий. В цифровой утопии каждый будет одновременно и хиппарем, и богачом. Столь оптимистичный взгляд на будущее одинаково мил компьютерным фанатам и студентам-прогульщикам, капиталистам-инноваторам и социальным активистам, модным интеллектуалам, бюрократам футуристического склада и политикам-оппортунистам по всей Америке» [Барбрук 2015: 27].

Важным эпистемологическим новшеством теории М. Кастельса является тезис о том, что «сетевое общество» необходимо концептуально описывать как пространство потоков, а не интерсубъективное взаимодействие людей или связанность национальных государств (или городов) посредством информационных технологий. Можно предположить, что такой подход является следствием увлечения М. Кастельсом философией Л. Альтюссера. Наряду с другими (М. Фуко, К. Леви-Стросс) Л. Альтюссер в 1960-е гг. обосновывал принцип «теоретического антигуманизма», утверждая, что понятие «человек» (как автономный субъект, творящий историю) иррелевантен для науки [Альтюссер 2006: 316–334]. В своей первой книге М. Кастельс [Castells 1979] с помощью понятий, предложенных Л. Альтюссером, анализировал трансформацию современных городов.

Несмотря на это, в дальнейшем М. Кастельс несколько отступил от радикально структуралистского взгляда на проблему актора и структуры. В работах 1980–1990-х в измененном виде проблематика субъекта, идентичности возникает в его работах снова. Несомненным достоинством теории М. Кастельса является отказ от монокаузальности в объяснении, «сетевое общество» в его понимании не просто продукт технологического прогресса. Политика, культура, экономика и религия составляют не менее важные факторы его формирования и развития.

Оригинальным вкладом в исследование сетей являются работы социолога науки Бруно Латура. Он наряду с М. Каллоном и Дж. Ло основал целую исследовательскую программу STS (*Science and Technology Studies*). Ее основные темы: переосмысление базовых понятий (общество) и линий раздвоения (социальное/технологическое, макропроцессы/микропроцессы), обоснование взгляда на вещи как акторы.

В рамках акторно-сетевой теории (АСТ) под словом сеть понимается «связанный ряд действий, каждый участник которых рассматривается как полноценный посредник. Хороший с точки зрения АСТ отчет – это нарратив, или описание, или высказывание, в котором все акторы не сидят сложа руки, а что-то делают. Каждая точка в таком тексте может стать точкой бифуркации,

событием или источником нового перевода вместо того, чтобы переносить эффекты, не трансформируя их» [Латур 2014: 181].

В контексте более детального понимания сети важным представляется их типологизация. Б. Латур выделяет следующие типы сети:

1. Технические сети, такие как дороги, городское хозяйство и интернет. Сети этого типа вполне характерны для индустриальных политических систем и не являются предметом нашего исследования.

2. Сети, используемые в гуманитарных науках, таких как социология, для «введения различия между организациями, рынками и государствами. В этом случае сеть представляет собой неформальный способ связи человеческих агентов» [Там же: 182].

Работы Б. Латура, можно отнести к ряду новых теорий, объединенных «плоской онтологией», основной акцент делается на самой связи между различными акторами (без разделения на социальные, природные, технологические). Так, понимаемая сеть включает в себя по-разному устроенные типы акторов – как иерархические структуры, так и гибридные и горизонтально-сетевые.

Сами теоретики STS долгое время не обращались к политическим процессам, ряд их последователей [Harman 2014] попытались эксплицировать основные теоретические постулаты, осмыслить их в контексте политической проблематики и показать, как теория Б. Латура дает исследователям новые основания для анализа политических процессов вне традиционных понятий и линий разделения. Г. Харман назвал это объектно-ориентированной политикой [Ibid.: 172–189].

В таком понимании теряют свое значение многие понятия и линии разделения (идеологическое различие левое/правое). Предыдущие модусы существования политики обозначаются как «политика истины» (*truth politics*) и «политика силы» (*power politics*). Каждый из модусов имеет условно левую и правую версии [Ibid.: 1–5].

В «Политике истины» противопоставляется знание (*knowledge*) невежеству (*ignorance*). Левая революционная версия видит людей равными и обладающими неотчуждаемыми правами. Если равенство или индивидуальные права и свободы отсутствуют или сильно ограничены, причина этого видится во внешней силе (случайные исторические события, идеологическое подчинение правящему классу). В такой ситуации левая версия выдвигает идею группы-авангарда, способной просветить и освободить массы.

Правая версия «политики истины» строго элитистская, она утверждает необходимость управления общества философами или экспертами, возвышающимися благодаря своим знаниям над массами. В качестве примера такого понимания можно привести интерпретацию идей Л. Штрауса как эзотерического философа элиты [Harvey 1987: 232–233].

«Политика силы» – это борьба за власть, в рамках которой над политической нет никакой трансцендентной инстанции. Левая версия, согласно Г. Харману, похожа, с одной стороны, на политику идентичности (*identity politics*) в ее трактовке интеллектуалами-постмодернистами, а с другой – на анархическую идею бесконечной креативности желания, которое не должно и не может быть ничем ограничено.

Правая версия восходит к Т. Гоббсу и его страху, что любая апелляция к трансцендентной инстанции, находящейся над политикой, будь то религия или наука, спровоцирует гражданскую войну, поскольку сама возможность существования такой инстанции ослабляет власть Левиафана. Сходную правую версию «политики силы» можно обнаружить в работах К. Шмитта, где сама сущность политического понимается через оппозицию друзей и врагов, которая особенно проявляется в ситуации чрезвычайного положения, когда между ними идет смертельная битва [Harman 2014: 3].

С точки зрения политической философии здесь предлагается достаточно интересный новый подход, а в практическом применении акторно-сетевой теории в современных политических условиях Б. Латур и его последователи выдвигают единственное предложение – новую экологическую политику.

Следующий вариант концептуализации проблематики политических сетей основан на анализе трансформации разных типов организаций (политических партий, социальных движений). Характеристика организаций как сетевых или гибридных противопоставляет их традиционным иерархическим институтам с формализованным бюрократическим управлением.

В 1990-е гг. подобного подхода отчасти придерживались исследователи проблем безопасности (*security studies*), работающие в основном на фабриках мысли, близких к вооруженным силам или спецслужбам США.

Аналитики *RAND Corporation* Дж. Аркилла и Д. Рондфельдт отмечают, что информационная революция трансформировала природу конфликтов. В результате этой революции на передний план выходят сетевые формы организации, имеющие целый ряд преимуществ перед иерархическими формами.

Новая форма конфликта – так называемая сетевая война – это специфическая организация акторов, в результате которых они приобретают свойство быстро объединяться в сети и решать определенные задачи. Преимущество и инициатива в таких условиях переходят к негосударственным акторам, они способны создать сеть из разных ячеек (где каждый узел связан с каждым узлом), которая оказывается эффективней, чем традиционные иерархические структуры. Информационная революция, изменив природу конфликтов, делает более эффективными организации с более быстрой и гибкой системой внутренних и внешних коммуникаций [Arquilla, Ronfeldt 2003: 4].

Сетевые структуры подобны «двуликому Янусу», они могут быть использованы как мирными организациями для более эффективного достижения поставленных целей, так и военизированными формированиями в боевых действиях либо террористическими или криминальными структурами [Sergi, Lavorgna 2016: 53–65].

Процесс принятия решений в сетевых структурах децентрализован и довольно часто принимается на локальном уровне. К решению проблемы могут подключаться и другие акторы, поэтому решение может принимать многоголовый вид (аналитики *RAND* используют термин “Hydra-headed”).

Дж. Аркилла и Д. Ронфельдт выделяют три способа организации сетевой структуры. Первый из них – линейная сеть (*Chain Network*). По структуре цепи эта сеть представляет собой единый поток ячеек, следующих друг за другом, где люди, товары или информация проходят путь от начала до конца сети через все промежуточные пункты. Второй тип организации сети исследователи обозначили как сеть-звезда (*Star or Hub Network*). Сеть, похожая на звезду или колесо, организуется подобно сети франчайзинга или картелю: набор акторов сети привязан к центральной (но не по иерархии) ячейке-актору и должен проходить сквозь нее для решения текущих задач и координации друг с другом. Третий тип сети – многоканальная сеть (*All-Chain Network*), в которой каждый актор, представленный в виде ячейки, напрямую связан со всеми другими [Arquilla, Ronfeldt 1996: 87].

В последние годы особое распространение получили смешанные, или гибридные, типы сетей. В таких системах отдельные элементы располагаются по иерархической схеме. Например, в некоторых военизированных и террористических организациях есть иерархическое командование, которому подчиняются боевые ячейки, сами между собой не связанные, не имеющие единого центра координации и выполняющие свои отдельные задачи. При этом не обязательно, что все акторы сети находятся в постоянной коммуникации между собой. В целях конспирации данная коммуникация может происходить с перерывами.

Дж. Аркилла и Д. Ронфельдт рассматривают и типологизируют сети через призму их деструктивной деятельности с точки зрения государства. И здесь одинаково без разделения рассматриваются террористические сети, легальные и нелегальные леворадикальные движения и активистские организации, действующие в разных сферах (экология, права человека). Подобный государствоцентричный взгляд не позволяет адекватно взглянуть на организации разного типа и направленности, происходит опасное смешение – действующие легально организации ставятся на одну доску с террористами.

С эпистемологической точки зрения наиболее продуктивным представляется подход Ж. Делеза и Ф. Гваттари. Их концепция повлияла на выше-

упомянутую акторно-сетевую теорию Б. Латура. Прежде всего эти системы объединяют радикальная «плоская онтология» и теория «сборок», позволяющие преодолеть оппозицию «субъект–объект» и разделение на социальное, природное и технологическое. Радикальный конструктивизм Ж. Делеза и Ф. Гваттари – это пространство потоков, без телеологии, эссенциализма. Важнейшим отличием их концепции от того, что принято называть постмодернизмом или постструктурализмом, является акцент на материальном, а не дискурсивном понимании реальности.

Концепция Ж. Делеза и Ф. Гваттари была изложена ими как в совместных работах [Делез, Гваттари 2010: 118–119; Делез, Гваттари 2007: 446–453], так и по отдельности [Guattari, Rolnik 2008: 179–184; Guattari 2009: 278–291] через понятие сборки (или в «Анти-Эдипе» – машины), понимаемой как совокупность разных элементов: природных, социальных и технологических, которые, соединяясь, приобретают новые эмерджентные свойства. «Больше нет ни природы, ни человека – есть лишь процесс, который производит одно в другом и состыковывает машины. Повсюду производящие и желающие машины, шизофренические машины, целая порождающая жизнь; я и не-я, внешнее и внутреннее больше ничего не значат» [Делез, Гваттари 2007: 14].

В рамках такой «плоской онтологии» все элементы сборки равноценны. Каждая изборок имеет два полюса: молярный (временно упорядоченные иерархические структуры) и молекулярный (основанный на детерриторизации, неиерархический, балансирующий на грани хаоса). В этой модели молярное и молекулярное находятся в противоречивых отношениях, включающих в себя как борьбу, так и взаимное дополнение. Их нельзя просто противопоставить одно другому, как делают некоторые авторы, политически определяя концепцию Ж. Делеза и Ф. Гваттари как разновидность анархизма. И модель, предложенная выше Ж. Делезом и Ф. Гваттари, активно применяется для анализа социально-экономических и политических процессов как на макро-, так и на микроуровне.

С точки зрения политологии интересно посмотреть, как эти исследователи анализируют подъем фашизма и нацизма в Европе в 1920–1930-е гг. Их объяснение в отличие от теорий тоталитаризма, делающих акцент на подавлении государством-партией с помощью идеологии и репрессий плюралистического гражданского общества, позволяет зафиксировать и микрополитическую основу фашизма и нацизма.

По их мнению, «фашизм неотделим от молекулярных очагов, которые, взаимодействуя, плодятся и перескакивают от одной точки к другой, прежде чем начнут резонировать все вместе в национал-социалистическом Государстве. Сельский фашизм и фашизм города или квартала, фашизм молодежи и фашизм ветеранов войны, фашизм левых и фашизм правых, фашизм

супружеской пары, семьи, школы или офиса... Фашизм есть тогда, когда машина войны устанавливается в каждой дыре, в каждой нише. Даже когда установится национал-социалистическое Государство, оно будет нуждаться в устойчивости таких микрофашизмов, сообщающих ему ни с чем не сравнимую способность воздействовать на "массы"» [Делез, Гваттари 2010: 351–352].

Помимо исторических примеров методология Ж. Делеза и Ф. Гваттари активно используется для анализа трансформации современных политических партий и социальных движений. Очередная фаза дискуссий о новом типе партии началась после появления в Бразилии в начале 1980-х гг. Партии Трудящихся. Согласно идеям ее основателей, эта партия должна была отличаться от существующих в стране традиционных левых организаций. Не традиционная для коммунистических (марксистско-ленинских) партий модель – пролетарская партия-авангард, а структура, демократичная изнутри, которая была бы открыта для взаимодействия с различными социальными движениями, профсоюзами и прогрессивными католическими активистами [Lowy 1987: 454]. Новая волна обсуждения данной модели возникла вслед за популяризацией этой модели «открытой партии» в Европе (СИРИЗА в Греции, «Подemos» в Испании).

К идеям Ж. Делеза и Ф. Гваттари примыкает, являясь одной из их интерпретаций, концепция «множества» А. Негри и М. Хардта. Совмещая их с пересмысленными элементами теории операистского марксизма, они пытаются осмыслить политическую борьбу и организационные принципы антисистемных движений после исчезновения биполярной системы времен холодной войны. Их концепция Империи – социально-экономической и политической модели мироустройства – анализирует формы субъективности, характерные для социодинамики постфордизма, и те модели борьбы, которые выбирают современные протестные движения.

В первых совместных работах [Хардт, Негри 2004: 53–56; Хардт, Негри 2006: 91–94] А. Негри и М. Хардт отвергают традиционные партии и профсоюзы как эффективные структуры для мобилизации и борьбы нового рабочего класса (когнитариата, прекариата). Новые формы субъективности, находящиеся в поисках модели взаимодействия и стратегии, они называют «множеством», выводя это понятие из философии Б. Спинозы [Negri 1991]. «Множество» как новая форма субъективности, по мнению А. Негри и М. Хардта, – это и новая модель интернационализма, поскольку борьба за альтернативную неолиберализму модель глобализации возможна только на наднациональном уровне.

В своих последних работах [Negri, Hardt 2012: 43–45] А. Негри и М. Хардт анализируют противоречивый опыт движений *Occupy Wall Street* в США и *Indignados* в Испании и борьбы социальных движений против мер

жесткой экономии (*austerity policy*) в Греции. В качестве корректировки к своим прошлым выводам они ставят под сомнение однозначную эффективность сетевой, горизонтальной модели построения политических организаций и социальных движений сопротивления. А. Негри и М. Хардт проблематизируют и тактику, характерную для левых социальных и протестных движений, начиная с альтерглобалистов, – давление извне силами социальных движений на международные организации (ВТО, МВФ) и национальные политические системы. Исследователи по-новому осмысливают не только специфику связи локальных и глобальных проблем и методов борьбы, но и политическую стратегию, которая теперь нацелена не на создание автономных зон, а на трансформацию правил и механизмов существующих политических систем.

Из всего множества разных проблемных полей и концепций нам кажется наиболее продуктивными направления, делающие акцент на сети как общей модели или элементе новых типов политических организаций. Поэтому среди тем для будущих исследований мы можем выделить следующие:

1. Трансформация социальных и политических структур (дополнение иерархических структур сетевыми и гибридными – в основном в сфере государственного управления).

2. Появление политических партий нового типа, пытающихся дополнить традиционные иерархические структуры элементами горизонтального сетевого типа.

3. Сетевые структуры гражданского общества (социальные и протестные движения). *Occupy Wall Street*, *Indignados* и протесты против неолиберальной политики в ЕС.

4. Сетевые структуры как инструмент социальной и политической мобилизации, проблема выработки эффективного процесса принятия решений.

5. Противоречивая роль интернета и социальных медиа в процессах демократизации авторитарных и гибридных политических режимов.

Сегодня, когда государственные структуры повсеместно утрачивают монопольный контроль во внешней и внутренней политике, сетевые, горизонтальные организации развиваются во многих регионах мира, поэтому политической науке необходимо, не отбрасывая теорию и методологию, созданную для изучения государств, расширить спектр изучаемых акторов и разработать отвечающие современным реалиям модели анализа новых типов конфликтов.

Литература

- Альтюссер Л. *За Маркса* / пер. с франц. А.В. Денежкина. М.: Практис, 2006.
- Барбрук Р. *Интернет-революция*. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015.
- Делез Ж., Гваттари Ф. *Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения* / пер. с фр. и послесл. Д. Кралечкина, науч. ред. В. Кузнецов. Екатеринбург: У-Фактория, 2007.
- Делез Ж., Гваттари Ф. *Тысяча плато. Капитализм и шизофрения* / пер. с фр. и послесл. Я.И. Свирского, науч. ред. В.Ю. Кузнецов. Екатеринбург: У-Фактория, 2010.
- Кастельс М. *Становление общества сетевых структур. Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология* / под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999.
- Кастельс М. *Информационная эпоха: экономика, общество и культура*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2000.
- Латур Б. *Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию* / пер. с англ. И. Полонской, под ред. С. Гавриленко. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.
- Тоффлер Э. *Третья волна*. М.: АСТ, 1999.
- Хардт М., Негри А. *Империя* / пер. с англ. под ред. Г.В. Каменской, М.С. Фетисова. М.: Практис, 2004.
- Хардт М., Негри А. *Множество: война и демократия в эпоху империи*. М.: Культурная революция, 2006.
- Althusser, L., Balibar E. *Reading Capital*. Trans. Ben Brewster. Verso, 2009.
- Arquilla, J., Ronfeldt D. *The Advent of Netwar*, Santa Monica. Calif.: RAND. 1996.
- Arquilla J., Ronfeldt D. *Networks and Netwars: The Future of Terror, Crime, and Militancy* Santa Monica. Calif.: RAND, 2003.
- Castells M. *The Urban Question: A Marxist Approach*. MIT Press. 1979.
- Chandler D. *Technological or Media Determinism*. URL: <http://visual-memory.co.uk/daniel/Documents/tecdet/> (дата обращения 25.03.2017).
- Guattari F., Negri A. *Communists Like Us: New Spaces of Liberty, New Lines of Alliance*. Trans. Michael Ryan. Semiotext(e) Foreign Agents Ser. New York: Semiotext(e), 1990.
- Guattari F., Rolnik S. *Molecular Revolution in Brazil*. Trans. Karel Clapshow and Brian Holmes. Los Angeles: Semiotext(e), 2008.
- Guattari F. *Soft Subversions*. Ed. Sylvère Lotringer. Trans. David L. Sweet and Chet Wiener. Semiotext(e) Foreign Agents Ser. New York: Semiotext(e), 2009.
- Harman G. *Bruno Latour: Reassembling the Political*. Pluto Press, 2014.
- Harvey I., *The Rhetoric of Esotericism: The Challenge to Deconstruction*. – *Law and Semiotics*, ed. Roberta Kevelson. New York: Plenum Press, 1987.

- Lowy M. *The Brazilian PT*. Latin America Perspectives, Fall 1987.
- Negri, A. *The Savage Anomaly: The Power of Spinoza's Metaphysics and Politics*, translated by M. Hardt. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1991.
- Negri, A. Hardt M. *Declaration*. Argo-Navis, 2012.
- Sergi A., Lavorgna A. *'Ndrangheta. The Glocal Dimensions of the Most Powerful Italian Mafia*. This Palgrave Macmillan, 2016.
- Therborn, G. *From Marxism to Post-Marxism?* Verso, 2008.